

«Сцена». Проект Марины Багдасарян.

Эфир от 24.01.2014 г. (16.05.)

Гость: Светлана БРАГАРНИК, актриса, народная артистка России.

Тема: Первый день рождения Гоголь-центра (2 - 3 февраля).

Марина Багдасарян: У нас в гостях Светлана Михайловна Брагарник, Гоголь-центр. И, не могу не сказать, театр имени Гоголя. Да, я права, права?

Светлана Брагарник: Конечно, конечно.

М.Б.: Театр имени Гоголя. Народная артистка России Светлана Михайловна Брагарник пришла к нам в гости в преддверии важной даты: Гоголь-центр отмечает первый день рождения.

С.Б.: Да, год.

М.Б.: Год. Светлана Михайловна! ...А, кстати, вы знаете, у нас в феврале, мы в очередной раз в связи с юбилеем Рустама Ибрагимбекова – драматургу исполняется 75 – дадим в эфир спектакль «Убийство Столыпина». А Светлана Михайловна сыграла в этом спектакле, ее голос вы услышите. Она сыграла маму Багрова, да? Маму.

С.Б.: Да, да, да...

М.Б.: Да.

С.Б.: Роль небольшая, но замечательная.

М.Б.: Тогда было такое странное ощущение... Вы в первый раз, да, встретились с артистом Левашовым у микрофона...

С.Б.: Да, конечно.

М.Б.: Да? А Левашов играл папу, сыграл папу. И вот было ощущение, что эти два человека прожили жизнь на одной подушке. То есть это была семья. Вот они стояли у микрофона, и были семьей, не просто мамой и папой, а семьей. Я тогда поймала себя вот на этом ощущении удивительном.

С.Б.: Я рада, если так. Я просто очень люблю работать на радио, в литдраме, очень люблю.

М.Б.: А что это дает?

С.Б.: Что мне дает? Во-первых, это дает какую-то удивительную свободу. Свободу в чем? Ты не зависишь от пластики, не зависишь от... Это чистый разум и чистые эмоции. То есть это твое понимание, причем гораздо более свое, чем, скажем, в театре, где очень сильно вмешательство режиссуры...

М.Б.: Где все-таки надо в заданном рисунке существовать, да?

С.Б.: Конечно. А тут ты один, наедине с драматургией и с микрофоном. Ну и, естественно, с партнерами, и... Я просто люблю, я не знаю...

М.Б.: Может создаться впечатление у вас, друзья мои, что по ту сторону, за стеклом, режиссера нет. Он есть, он, конечно же, существует.

С.Б.: Да, но он не так явен. Просто... я понимаю: он все понимает, он с чем-то согласен, не согласен, потом это выключается, он делает замечания. Но нет этого давления, такое ощущение...

М.Б.: Диктата нет.

С.Б.: Диктата нет, да. И полное ощущение свободы, своей, личной, самовыражения. А потом, когда работаешь на радио, в основном, на радио время дорогое, оно не тратится на дурацкие пьески, вирши и так далее. Там всегда – в основном – хорошая литература. Это тоже очень важно.

М.Б.: Хорошо. Вы прожили год в Гоголь-центре.

С.Б.: Да.

М.Б.: Там хорошая литература теперь?

С.Б.: Оох, насчет литературы сложно. Но, хотя...хотя! Теперь вот, сейчас вот репетируются «Мертвые души» Гоголя, до этого...

М.Б.: Спектакль, на одних мужчин рассчитанный.

С.Б.: Да! Да-да...

М.Б.: И Коробочка тоже будет мужчиной.

С.Б.: Коробочку (*смеется*) Олег Гуцин, по-моему, играет, да... репетирует...да. Только что выпущен «Гамлет». Там дело другое: перевод. Но это все-таки на Шекспире основано. «Гамлет». Предполагаются вроде бы впереди какие-то, в будущем какие-то... хорошие драматурги. Но... не всегда, ох, не всегда.

М.Б.: Не всегда.

С.Б.: Нет, не всегда.

М.Б.: Светлана Михайловна! Год назад, даже чуть больше года назад, Вы были на грани ухода из... был такой момент, правда ведь?

С.Б.: Конечно, есть такой момент.

М.Б.: Я помню, да, был такой момент.

С.Б.: ...Был такой момент, причем такого, как бы сказать, то ли насильственного ухода, то ли своего личного решения ухода... Было такое, да. Начиналось все очень тяжело.

М.Б.: Что перевесило? Почему остались?

С.Б.: Ну, во-первых, Вы знаете, как уйти оттуда, где ты отдал всю свою жизнь?.. Мне вообще это трудно представить себе было. Ну что перевесило? Вначале, конечно, была страшная вот эта...

М.Б.: Простите, простите... А не было страха, что останетесь без работы, и Вы вообще...

С.Б.: Конечно!

М.Б.: ...никому не будете нужны?

С.Б.: И такой страх тоже, а как же? Конечно! Одна из составляющих. Понимаете, я не юная начинающая артистка, которая «А, не в этот возьмут, так в этот возьмут!», и я же уже не могу идти куда-то, чтобы играть какую-то массовку и ждать своего звездного часа. Понимаете?..

М.Б.: ...«вдруг заметят?»

С.Б.: Мне уже некогда. Мне уже некогда... Вот. А потом, это - мой дом. Там на сцене каждая досточка моим потом полита, а иногда и кровью, бывало и такое. Если сосчитать все травмы, которые я там получила... ну и так далее. Но, конечно, такое было: было много несправедливого, было много очень агрессивного с обеих сторон - и с нашей, и с той стороны, с новой, пришедшей стороны. Было много обид, оскорблений, несправедливых, незаслуженных, и в ту сторону, и в нашу сторону. Но... все-таки мы все оказались пластичными людьми. Я не скажу, что беспринципными, или там, как сейчас нас некоторые наши бывшие товарищи говорят: вы предатели, вы, там, участвуете вот в этом, согласились, вы предали нас, предали себя. Это кто что считает предательством. Самое главное - мы не предали профессию.

М.Б.: И, может быть, как раз в этом не предали себя.

С.Б.: И в этом не предали себя. Это кто что считает предательством. Мы не предали профессию, мы работаем. Не знаю, там, удачно, неудачно, сложно, конечно, сложно. ...Но мы живем, мы работаем.

М.Б.: Сколько человек осталось?

С.Б.: Нет, история в том смешна, что остались все. Все, кто был в штате, у кого долго... вечные договора, или как называется, долгосрочные, как-то они там называются... Все остались. Дело в том, что работают не все. Работают те, кто хотел работать, и кто имеет на это право, и кто в этом видит смысл своей жизни, те и работают. И Кирилл Семенович в этом оказался человеком очень пластичным. И тоже, может быть, что-то сгоряча он там говорил, что всех там...

М.Б.: В запале.

С.Б.: Да, в запале, что всех там уволит... Он пришел, посмотрел, увидел людей и сказал: «А чего мы вообще тут ссоримся, когда я вижу, что замечательные артисты, желающие работать». Так оно и есть, теперь.

М.Б.: Ну скажите: театр Гоголя долгое время развивался в определенной эстетике, да, с определенным мировоззрением шел в жизнь, вот, и эстетическим, и этическим, и всяким...

С.Б.: Да, да.

М.Б.: И вот теперь пришла новая, иная эстетика, другая идеология и другое мировоззрение. Компромиссы? Или интерес?

С.Б.: Интерес, конечно. Интерес. Безусловно, интерес. А потом еще, понимаете – год! Год, только год.

М.Б.: Даа, совсем маленький ребенок.

С.Б.: Совсем маленький ребенок, его еще надо понять, его еще надо, чтобы он глазки открыл, еще надо, чтобы он «агу-агу» научился говорить, и так далее. Год(!) этому театру... театру... Гоголь-центру. Вот... Еще идет вот это проникновение друг в друга и понимание. Вот насчет идеологии, я вот это не понимаю... Все-таки, когда ты находишься изнутри, у тебя задачи другие. Твои задачи: понять свою роль, подключить к ней свою нервную систему, обеспечить ее своим кровоснабжением, обрасти ее своим мясом. Тут не до того, идеология – не идеология. Ты имеешь человека в руках, и ты должен его родить.

М.Б.: Жизнь человеческого духа.

С.Б.: Конечно! Все равно, понимаете, какая бы там...

М.Б.: Вне зависимости от эстетики и этики.

С.Б.: Совершенно верно. У нас, вот у меня – может быть, я за всех не буду говорить, я говорю о себе – другие задачи. Я не думаю, как это в результате будет по идеологии. Я думаю, чтобы у меня был живой человек, который ранит зрителя и, как бы сказать, проникает в него, и это мои задачи.

М.Б.: Я немножко про другое. Я про то, не чуждо ли Вам это? Не жмет пальтишко?

С.Б.: В каких-то местах жмет. В каких-то местах жмет. Причем я пока играю только один спектакль, у меня только проекты, проекты, проекты, которые Кирилл Семенович мне каждый раз преподносит новые; я все жду, жду, но пока у меня один спектакль - это спектакль «Страх» по киносценарию Фассбиндера, переписанный на нашу почву, на нашу Москву, на наше время, и так далее, и так далее. Вот здесь мне ничего не жмет. Кроме, скажем, некоторой странности сценографии. Вы не видели этот наш спектакль?

М.Б.: Видела, видела, да.

С.Б.: Вот эти стулья...

М.Б.: Я понимаю, про что идет речь...

С.Б.: Да, да, да, да, да... Вот тут немножко жмет. Но сам спектакль мне не жмет. Речь все равно идет о людях, о человеческой истории, и все равно о любви, и все равно о

дobre, в каких бы она условиях там ни прорастала, эта странная любовь в этом спектакле... Это все равно об этом. Но, скажем, когда я вижу некоторые спектакли, в которых я не занята, вот там, бывает, поджимает... поджимает.

М.Б.: Ну, мне кажется, что просто, не умаляя достоинств Сергея Ивановича Яшина, Вы никогда не сыграли бы Фассбиндера в театре Гоголя.

С.Б.: Конечно. Конечно!

М.Б.: Это было бы просто невозможно.

С.Б.: Это безусловно. Это безусловно.

М.Б.: Вы бы не сыграли этот текст.

С.Б.: Я никогда бы не сыграла Фассбиндера, я бы никогда не сыграла эту тему. Все-таки немножко повернул театр Фассбиндер, он повернул прямо на нашу, живую жизнь, вот на эту, сегодняшнюю, да? И эту тему никогда бы у нас не взяли в театре в том. Но дело в другом: что в этом театре я уже никогда не сыграю – мне кажется, я так думаю – Чехова, Островского, Горького...

М.Б.: А что Вы не сыграли в Чехове?

С.Б.: Ну я три четверти Чехова не сыграла. Все-таки я сыграла достаточно (смеется).

М.Б.: Да, вот я об этом и говорю.

С.Б.: Да, я сыграла достаточно. Я сыграла несколько спектаклей по Чехову, я сыграла Горького, я сыграла Островского, я сыграла Уильямса...

М.Б.: Вы сыграли «Записные книжки Тригорина», да...

С.Б.: ...О'Нила, да, я сыграла, по-моему, все, что только можно сыграть. Вот только Шекспира я не играла. Вот да, это было. Но, боюсь, что...

М.Б.: Уже больше и не сыграете?..

С.Б.: ...с классикой, да, у нас будет сложно. Хотя, вот смотрите: «Гамлет», «Мертвые души». Может быть, впереди что-то еще ждет, кто знает...

М.Б.: Но как-то... как-то... я же знаю Светлану Михайловну Брагарник. Мне кажется, я знаю Вас очень-очень давно...

С.Б.: Да, я давно живу, правильно (смеется).

М.Б.: Нет, я себя, вот, помню приходящей в театр Гоголя, да, я очень много спектаклей видела с Вашим участием. Но, мне кажется, Вам как-то невесело сейчас, вот сейчас. А события же важные: год. Вы живете под другим флагом, в другой воде плаваете, все другое, иное, Вам предложен иной способ существования...

С.Б.: Конечно, мы это прекрасно понимаем, и мы...

М.Б.: ...А я не вижу куража, радости.

С.Б.: Ну, во-первых, я не должна каждую минуту (*смеется*) быть радостной, но есть у меня...

М.Б.: У Вас есть опасения?

С.Б.: У меня есть огорчения. Опасения – я не сказала бы «есть опасения». У меня есть большое огорчение. Я привыкла за всю свою жизнь выходить на сцену и играть спектакли. Понимаете, у нас какая-то странная система проката спектакля, то есть репертуарная политика, в смысле реализации, да?

М.Б.: Да...

С.Б.: Ты работаешь над спектаклем, в данном случае я говорю о «Страхе», прорастаешь в него, встречаешься со сложным режиссером, совершенно с другой манерой работы, с другим почерком. Это требует большого преодоления, больших усилий. Потом, радость того, что ты начал что-то понимать, и что ты делаешь то, что соединяешь эту сложную режиссуру со своим... и так далее, и так далее. Я к тому, что ты много вложил в это, ты много потратил, ты уже ощутил радость от этой роли, от этого спектакля...

М.Б.: Обретение.

С.Б.: Обретение, да. Уже появились какие-то капиллярчики, веночки сосуществования с партнером. У меня совершенно молодой партнер из «Седьмой студии», прекрасный Женечка Сангаджиев, с которым мы просто на одной волне, на одном дыхании. Вот. И... Спектакль идет, ну я не знаю, один раз в три, в четыре месяца. Понимаете? Я...

М.Б.: Как удержать это в себе?

С.Б.: Как это удержать? Каждый раз заново ты начинаешь. Потом, я привыкла, ну хотя бы, семь дней в месяц, семь вечеров, восемь, десять, выходить на сцену, играть, это мой человеческий, жизненный ритм...

М.Б.: Светлана Михайловна, а если немножко поизменять Гоголь-центру? Поизменять так, посмотреть налево, направо?

С.Б.: Даа, конечно, можно. Но эти все странные «левы»... Ой... (*Вздыхает.*) Пойдешь, посмотришь на это лево (*смеется*), так и не очень хочется. Ну что – антреприза?

М.Б.: Почему антреприза?

С.Б.: Но она же не всегда...

М.Б.: Она не всегда, конечно.

С.Б.: Вот, в том-то и дело. У меня есть антреприза, я езжу.

М.Б.: Я вчера послушала интервью одного очень хорошего артиста на одном телевизионном канале. Александр Балувев рассказывал о том, почему он ушел из театра Ермоловой. И он сказал, что артист не должен принадлежать одной труппе. Он не должен быть артистом одного театра, потому что в этом одном театре он играет только то, что ему как бы навязывают. И, уйдя из театра Ермоловой, он получил возможность... Я очень хорошо отношусь к этому артисту, я его просто очень уважаю за те работы, которые я помню и которые я вижу в кино. И вот он сказал, что он получил возможность играть то, что он хочет. И то ли неудачный был кусочек из антрепризного спектакля, но я сразу ушла с этого канала, потому что этот кусочек... Ради этого кусочка не стоило уходить вообще никуда.

С.Б.: И ниоткуда.

М.Б.: И ниоткуда. Вот ради вот этого кусочка, как-то мне это показалось... Мне даже как-то стало не по себе, больно, неловко.

С.Б.: Ну, вот...

М.Б.: Я сейчас не для того, чтобы мы с Вами сейчас Сашу, Александра Балувева обсуждали, нет...

С.Б.: Нет-нет, Боже упаси, прекрасный артист, конечно.

М.Б.: Прекрасный, просто слов нет других, кроме восторженных, слов восторга. Я о принципе.

С.Б.: Вот я и говорю, что все вот эти походы налево... Я понимаю, если бы меня сейчас прекрасный режиссер в прекрасный спектакль на прекрасную роль пригласил...

М.Б.: Прекрасный режиссер, Вы слышите? Прекрасную артистку. Она прекрасная, она просто... она всегда, она в каждой своей работе! Я совершенно не боюсь этого говорить, и это без тени преувеличения, правда!

С.Б.: Я бы с удовольствием это сделала. Но сейчас, как я понимаю, может быть, я не очень это знаю, может быть, я не в курсе. Но сейчас как: уходят в антрепризу, да? Что-то я не очень хорошо знаю потрясающие антрепризы, где бы это было серьезно, на высоком уровне, где бы это было по-настоящему, где бы занимались настоящим искусством. Все-таки антреприза, это все-таки немножко на потребу, это все равно опускаться до самого, как бы сказать, нижнего уровня публики, которая жаждет развлечений. А потом нас же за это и презирает, за то, что мы это развлечение дали. Так что тоже насчет «сходить налево». Это довольно сложная вещь. И хочется, очень хочется, потому что я очень хочу...

М.Б.: И очень колется.

С.Б.: Да! И очень колется. Я очень хочу войти в ритм своей вечной рабочей жизни, той, которая у меня за плечами. Я репетирую утром, вечером играю (*смеется*), у меня есть репертуар. Старый репертуар, конечно же, весь убран, он снят, и я понимаю, да, ну что же...

М.Б.: Ну конечно, он не монтируется с этим...

С.Б.: Да, новая эстетика, да.

М.Б.: ...с этим театром.

С.Б.: Хотя я совершенно не могу сказать ничего оскорбительного и плохого, то есть плюнуть себе за плечи, понимаете, за спину, не могу. У нас были прекрасные спектакли и...

М.Б.: Это правда.

С.Б.: Да! Да. Дело другое, что...

М.Б.: Это правда. И на большой сцене, и на малой сцене, это правда.

С.Б.: ...несколько последних лет - это уже был распад, тут уже не надо лгать...

М.Б.: А может быть если бы в свое время появился бы мощный крепкий менеджер...

С.Б.: Да, наверное!..

М.Б.: ...мощный, крепкий пиарщик, и начал бы раскручивать эти задворки...

С.Б.: Раскручивать, и требовать!..

М.Б.: ...задворки, и требовать...

С.Б.: ...и требовать, понимаете, требовать от руководства, художественного руководства требовать не опускаться до какого-то уровня. Потому что последние годы, конечно, были тяжелые, что там говорить. Это было начало конца. Но были потрясающие спектакли, замечательные! Когда ты просто выходил на сцену и понимал, что это счастье просто играть (*вздых*).

М.Б.: Раньше говорили, что весь этот путь от Курского вокзала до театра очень трудно пройти, потому что он...ну, неприятный, скажем так, да? А сейчас, мне кажется, такой проблемы нет...

С.Б.: Абсолютно нет.

М.Б.: ...не потому что он стал приятным, он такой же, он... Все равно это задворки вокзала, да? Но просто цели изменились, и какие-то акценты.

С.Б.: Цели изменились, и пошла публика. Нет, но, знаете, не надо...

М.Б.: Другая публика пошла.

С.Б.: Да! Это так. Но не надо еще исключать, что это территория скандала, пока еще, понимаете? Это еще люди живут тем: ах, надо сходить...

М.Б.: Шумом вокруг этого.

С.Б.: Да, да, конечно. «Ах, надо в это скандальное место сходить». Некоторые говорят: «Ой, мы сегодня идем в самое модное место в Москве». Понимаете? Не самое художественное, самое высокое, где тебе дадут самое высокое искусство, самые потрясающие эмоции, научат чему-то замечательному, а «ой, мы идем в самое модное, самое...». Еще пока этот шлейф... Еще пока ЭТОТ шлейф. Да, но люди идут, залы полные... Это правда. Но и, надо сказать, что руководство занимается раскруткой, пиаром, рекламой. В театре вот есть «Гоголь-кино», дискуссионный клуб, прекрасный книжный магазин, в который тоже ходят. Потом, театр работает до двенадцати часов ночи. Можно просто придти, попить кофе, поговорить, включить свой ноутбук...

М.Б.: Пожить в нем немного, в этом пространстве. Это важно.

С.Б.: Пожить в нем, да. Да, конечно. Люди понимают, что это для них, это место для них.

М.Б.: Друзья мои, вы не отвечаете на вопрос про арбуз, такой простой симпатичный вопрос про то, что он квадратный. А артистка, народная артистка России Светлана Михайловна Брагарник, сразу, как только я начала это читать, она мне показала квадрат. Поэтому книга Юрия Манна «Постигая Гоголя» уходит Светлане Михайловне.

С.Б.: Ах! Да вы что! Правда?!

М.Б.: Да, да, да, да...

С.Б.: Как приятно к Вам приходиться на передачи *(смеется)*.

М.Б.: Это для Вас.

С.Б.: Спасибо.

М.Б.: Это для вас.

С.Б.: Большое спасибо.

М.Б.: Я хочу вам задать еще один вопрос. Передо мной книга, которую выпустило в свет издательство «Новое литературное обозрение», называется она «Культура повседневности», и в цикле «Культура повседневности» называется она «История тела». Это, правда, первый том только – «От Ренессанса до эпохи Просвещения», но, я думаю, начать с первого тома как раз можно, тому из вас, кто правильно ответит на вопрос про Райнера Вернера Фассбиндера. Он как-то сказал... Светлана Михайловна, слушайте, потому что, может быть, опять Вы выиграете книжку.

С.Б.: Вот это вряд ли *(смеется)*.

М.Б.: Он как-то сказал, что самым лучшим, коварным и эффективным инструментом социального подавления является некое чувство. Самым лучшим, самым коварным и самым эффективным инструментом социального подавления является это чувство. Что это за чувство? 660-10-55. Чувство это вы все знаете. 660-10-55, 8-495.
...Она у нас не только красавица, но и умница.

Да. Хорошо. И тем не менее, друзья, у вас есть все-таки шанс отобрать у Светланы Михайловны книгу, которая называется «История тела». Отберите, может быть, составите себе библиотечку, все-таки том первый.

А мы продолжаем нашу программу. Год Гоголь-центру, и мы говорим о том, как непросто живется артистам... весь этот год непросто жилось, и сегодня непросто живется. И я подумала, когда Вы говорили об этой территории скандала... Я подумала о том, что если бы вот нос... и губы... и если бы вот эту вот территорию скандала сплести с той высокой этической, эстетической какой-то целью, то это было бы самое правильное...

С.Б.: Да конечно, ну к этому же все и идет...

М.Б.: Самое правильное!

С.Б.: ... к этому идет, ведь люди прикладывают усилия. Конечно, для этого, конечно, ищут еще, нащупывают репертуар, я так думаю, после их высказываний... конечно! Год ребеночку.

М.Б.: Да... Скажите, пожалуйста, Светлана Михайловна, а вот если бы сегодня Вас вызвал бы к себе Кирилл Серебренников, и спросил бы, что Вы хотите играть: называете, и Вы играете; вот список из пяти названий. Пять спектаклей – выбор Светланы Брагарник. Что бы Вы выбрали?

С.Б.: Нет, ну я...

М.Б.: Для себя! Что Вы хотите играть?

С.Б.: Ой... (Вздыхает.) Мне кажется, я по-прежнему не надышалась еще классикой. Я не говорю конкретного ничего...

М.Б.: Да...

С.Б.: ...и просто так вот сразу это не выбросишь. Это должно гвоздем сидеть в черепе, чтобы это сразу сказать. Но я не надышалась, конечно, не наелась еще классики, я бы еще играла классику, классику, классику... Потому что по-своему вот эта трилогия, которая у нас идет – Фассбиндер, Висконти и Ларс фон Триер – это же тоже уже классика. Это уже классика.

М.Б.: Конечно.

С.Б.: Да. И мощную драматургию я бы хотела играть. А если бы он сказал: вот Вам пять названий, да?

М.Б.: Да.

С.Б.: И вот: хотите что-то играть? Я бы сказала: давайте все пять! Вот бы что я ему сказала (смеется).

М.Б.: Жадная Светлана Михайловна Брагарник – гость программы «Сцена». Мы продолжаем нашу программу. Эту часть нашей программы мы начнем с предложения вам. Друзья, у вас есть еще время, предложите, пожалуйста, пять ролей для Светланы Брагарник. В каких ролях вы видите актрису? Пять женщин, а может быть не женщин... в Гоголь-центре возможно все...

С.Б.: Возможно... (Смеется.)

М.Б.: Да. А может быть не женщин. Если Коробочку играет Гушин, то дамам возможно все. «Светлана Михайловна, - пишет Вам Светлана, - я видела Вас в спектакле по Оскару Уайльду, забыла его название. Вы там были великолепно. Я Вам подарила букет тюльпанов, очень красивый.»

С.Б.: Спасибо, Светлана. Спектакль назывался «Веер леди Уиндермир».

М.Б.: Да. Значит, вопрос от Александра Васильевича и Инги. Даже не вопрос, а некое... некое высказывание. Адресовано мне, но и Вам тоже, наверное. «Марина, Вы всерьез полагаете, что в современном театре есть идеология, эстетика, сценография, что артисты умеют играть, а режиссеры делать постановки? На наш взгляд, ничего, кроме пошлости и китча, там нет. Это в московских и петербургских театрах. А в так называемых «провинциальных» иногда бывают какие-то перлы. А в основном – хуже. Александр Васильевич и Инга.» Значит, Александр Васильевич и Инга, у меня к вам слезная просьба, слезная. Пришлите, пожалуйста, свой телефон. Пожалуйста. Будем заниматься... потратим некоторые усилия на то, чтобы вы попали в те самые театры, на те самые спектакли, которые просто нельзя не смотреть, просто необходимо. Мне кажется, вас немножечко нужно полечить от этого китча и пошлости, которых вы, судя по всему, объелись. Какие-то неудачи вас преследуют в театре, мне так кажется. Правильно, Светлана Михайловна?

С.Б.: Ну да, конечно. Конечно.

М.Б.: Не без этого, это есть!

С.Б.: Это есть, этого много.

М.Б.: Это есть! Мы согласны, правда, Светлана Михайловна?

С.Б.: Да, мы согласны, абсолютно согласны. И этого много, к сожалению. Но есть и замечательные. Вот я смотрела «Пристань» в Вахтанговском театре.

М.Б.: Пожалуйста: «Пристань». Вот вам одна рекомендация.

С.Б.: Да. Но, к сожалению, ушел Юрий Васильевич Яковлев. У него там была великая работа. Великая работа!

М.Б.: По Бунину.

С.Б.: Я так счастлива, что успела это увидеть, потому что так играть нельзя, так уже никто не может. И вот он ушел, и уже так никто не будет. Это даже была не игра, это была исповедь великой жизни. Великой жизни, прощание, великого человека, артиста, художника. А что там, собственно, было. Вышел человек, буквально там минут, сколько идет, ну минут десять...

М.Б.: Не больше, не больше.

С.Б.: Не больше. Маленький рассказик Бунина. Стоит неподвижный человек, очень пожилой. А у тебя переворачивается сердце. Я не знаю, как это, как это делается. Так что еще бывает счастье. Бывало. Боюсь только, что...

М.Б.: И есть, я думаю.

С.Б.: Ну я надеюсь!..

М.Б.: Я убеждена в этом. Я посмотрела «Село Степанчиково и его обитатели» в Малом театре.

С.Б.: С Васей?

М.Б.: Да, с Василием Ивановичем Бочкаревым. И это очень хорошая работа Антона Яковлева. Прекрасная работа, изысканная, я бы сказала. Ну какое пиршество духа, какая радость возникает в зрительном зале...

С.Б.: Я не видела, обязательно пойду. Потому что сейчас это редкость.

М.Б.: Обязательно! Это праздник! Это праздник, абсолютный праздник. Я полтора месяца назад пересмотрела спектакль, я под его впечатлением. Я второй раз смотрела. Я под его впечатлением нахожусь. Поэтому, Александр Васильевич и Инга, жду телефон, и будем лечить вас. Будем вас лечить. Это просто необходимо сделать, потому что с таким настроением не нужно жить... так вот, с таким настроением. Да? Будем менять. Если кому-то надо полечиться тоже, присылайте, пожалуйста, телефоны. У нас есть такие возможности оказать вам такую милую симпатичную услугу, предложить вам приглашение в театр. Кстати. Кстати. Если вы хотите попасть шестнадцатого февраля в Театральный центр на Страстном на спектакль, который получил Гран-при фестиваля «Твой шанс» - «Преступление и наказание», это спектакль мастерской Льва Эренбурга из небольшого драматического театра Санкт-Петербурга, ответьте, пожалуйста, на вопрос. Вот на такой странный вопрос: она носит меня столько же, сколько я ее. О чем идет речь в загадке Франсуа Персона? Итак: она носит меня столько же, сколько я ее. О чем идет речь, вы напишете на 660-10-55 для абонента «Радио Культура». Мы ждем. У вас есть еще такая возможность.

Светлана Михайловна, и все-таки: Вы... закончится наш эфир, Вы пойдете домой или в театр в ожидании следующего спектакля, который Вам предстоит играть.

С.Б.: Да. Я вот теперь только этим и живу: в ожидании следующего спектакля, который мне предстоит играть. И это мне не нравится. Я хочу это делать регулярно (усмехается). Вот... с этим как-то надо разбираться.

М.Б.: Да.

С.Б.: Да.

М.Б.: А Вы пробовали говорить с Кириллом Серебренниковым?

С.Б.: Ну... поговорю (усмехается). Сейчас он просто очень занят, он на выпуске «Мертвых душ». Он всегда занят.

М.Б.: Хорошо, хорошо. Как будет театр отмечать, Гоголь-центр как будет отмечать свой годик?

С.Б.: Не знаю. Это всегда неожиданность. Не знаю. Это будет в начале февраля, по-моему...

М.Б.: Да, по-моему третьего, если я не ошибаюсь.

С.Б.: Да, где-то третьего. Не знаю. Увидим. Может быть, молодые что-то сделают. Я не знаю... пока... Ну, видимо, премьерой «Мертвых душ», само собой...

М.Б.: Да, да, да.

С.Б.: Спектакль выйдет. Ну и будет какой-то милый вечер, наверняка.

М.Б.: Светлана Михайловна, а Вы видели спектакли до этого Кирилла Серебренникова во МХАТе, например? Вы видели «Мещан», «Головлёвых»?

С.Б.: Я видела. Я видела. «Головлёвых» не видела. Я видела «Мещан», я видела «Зойкину квартиру», я видела, еще до того, как... мы встретились, я видела «Метаморфозы», которые он сделал вместе с французским режиссером Бобе. И, должна сказать, вот «Мещане» - мне понравился спектакль. Конечно же, там великая тень стоит товстоноговского спектакля, но если отрешиться и просто смотреть, как спектакль, мне понравилась эта работа, и сильные актерские работы, и прекрасная Покровская, и Мягков... Ну там все. Мне понравилось. «Зойкина квартира» меньше, мне показалось, что она такая чуть-чуть... такая чуть-чуть... не очень глубокая. Но тем не менее, это спектакль... Я видела, видела. А, я видела еще давно-давно «Сладкоголосую птицу» в «Современнике» с Мариной Неёловой...

М.Б.: Знаете, что Вам предлагают? «Находясь в теме Фассбиндера и Висконти, - пишет Наталья, - роль Марии Браун и королевы Австро-Венгрии Елизаветы, принцессы Сиси.» Светлана пишет, что она видит Вас в пьесах Мольера, Чехова, Гоголя, Шекспира и Оскара Уайльда. Раневская «Вишневый сад», Купавина «Волки и овцы», Аркадина «Чайка», Гурмыжская «Лес», Матрена «Власть тьмы»...

С.Б.: Ой, замечательно *(смеется)* Матрена...

М.Б.: ...Булгаковская Маргарита, княгиня Бетти в Анне Карениной, Леди Макбет, и все пьесы Островского.

С.Б.: Беру!

М.Б.: Берете?

С.Б.: Беру! *(Смеется.)*

М.Б.: Вот Вам, пожалуйста, рекомендации для Кирилла Серебренникова.

С.Б.: Беру. Передайте ему...

М.Б.: Вот, вот. Передаю.

С.Б.: ...от Радио Культура...

М.Б.: Мы передадим. Мы передадим, а Вы, в свою очередь, передайте ему тоже привет от нас и от Ваших слушателей.

С.Б.: Да.

М.Б.: А то самое чувство, которое лучшее, коварное и эффективное, конечно же, любовь. У нас есть правильные ответы. Встретимся через неделю.

© <http://smbragarnik.ru/>, 2014

При перепечатке текста или его фрагментов ссылка на сайт или первоисточник обязательна.